

А.И. Вольнский

м.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

ПАНИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РЕФОРМ

Аннотация. В 2019 г. Р.И. Капелюшников в целой серии публикаций подверг критике подход в экономической теории, обозначенный им как «панинституционализм»: направление, согласно которому динамика экономического роста напрямую определяется набором действующих формальных институтов как политических, так и экономических. В качестве образцов панинституционального подхода им были избраны работы «Насилие и социальные порядки» Д. Норта, Дж. Уоллисса и Б. Вайнгаста, а также «Почему одни страны богатые, а другие бедные» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. Последовательно разбирая обе монографии, Р.И. Капелюшников подвел читателей к мысли о фактической несостоятельности представленных моделей объяснения экономической истории человечества. Это не первый случай критики указанных исследований, в каждом из которых теории Д. Норта и соавторов, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона представляются конструкциями, основанными на исторических неточностях и значительных допущениях. Вместе с тем, при известной шаткости панинституциональных концепций, институционализм в данном прочтении представляется нам теорией, сила которой лежит не в ее объяснительном потенциале. Институциональный смысл книг «Насилие и социальные порядки» и «Почему одни страны богатые, а другие бедные» состоит в концептуальном высказывании перформативного характера: идея о взаимосвязи институтов и экономического роста подтверждается множеством исследований и легко воспринимается с позиций бытового здравого смысла. Главное в том, что, если мы знаем, какие институты хорошие, а какие нет, строительство хороших институтов можно выдвинуть как политическую программу реформ как минимум и знамя политической борьбы – как максимум. В теоретическом ключе именно такое политическое развитие панинституционализм получает во множестве исследований, которые мы объединяем в понятие «институциональная теория реформ».

Ключевые слова: институциональный дизайн, мезоуровень, мезоэкономика, институционализм, экономические реформы.

JEL: B15, B25, P16, P 51.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10102

Введение

В 2019 г. Р.И. Капелюшников в серии публикаций под общим названием «Contra панинституционализм» [Капелюшников, 2019а; 2019б; 2019в] подверг критике направление современной экономической теории, названное им «панинституционализмом», суть которого – в объяснении исторического процесса и разницы между макроэкономической динамикой различных государств набором действующих в этих государствах экономических, социальных и политических институтов. За образцы теории им были взяты работы «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» [Норт Д. и др., 2011] и «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» [Аджемоглу, Робинсон, 2012]. Основой смысловой конструкции обоих трудов, а равно как и неоинституциональной теории, согласно Р.И. Капелюшникову является предположение о том, что первопричиной перехода от мальтузианского к шумпетерианскому росту стало стабильное урегулирование прав собственности. Ссылаясь на широкий круг исследований, Р.И. Капелюшников показывает, что условие наличия урегулированных и защищенных прав собственности далеко

не уникально для обществ Западной Европы, в частности Англии с середины XVIII в. В логике «критики панинституционализма» доказательство того, что права собственности существовали в более широком круге обществ, чем только Англия периода Промышленной революции, а их урегулирование не всегда коррелирует с периодом перехода к шумпетерианскому росту, опрокидывает саму «панинституциональную» теорию, как если бы мы лишили здание краеугольного камня.

Критика панинституционализма привлекла сравнительно широкое внимание со стороны специалистов в области институциональной теории и дала толчок дальнейшим дискуссиям об обоснованности вывода о панинституционализме и парадигмальных основаниях экономической теории [Шаститко, 2019; Бузгалин, Колганов, 2019]. С нашей точки зрения, «критика панинституционализма» заслуживает внимания не только благодаря дискуссиям, которые она порождает относительно институциональной теории, но также с точки зрения того, почему «панинституционализм» столь популярен в современной российской экономической науке. Ответу на данный вопрос и будет посвящено наше исследование. Как мы полагаем, внимание к «панинституционализму» связано с перформативной силой высказывания этой теории: мысль о связи «хороших» институтов и экономического роста рождает концепции в русле институциональной теории реформ, более похожие на политическую программу.

Обосновывая свою идею о том, что описательная концепция «панинституционализма» перформативна по своей сути и побуждает к созданию реформаторских программ, мы опираемся на концепцию Дж.Л. Остина, в своей классической работе «How to do things with words» утверждавшего, что многие описательные речевые акты не просто повествуют о реальности, но формируют и изменяют ее [Austin, 1955]. Идея о связи между высказыванием – формированием концепции – в экономической науке и действием, конструированием экономической реальности далеко не нова. Обнаруживая перформативность панинституционального высказывания (о перформативности экономических концепций см.: [Re-Imagining..., 2015; Vollmer, 2016]), мы, по существу, ступаем на путь дискуссий о связи между идеологией и деятельностью экономистов, а также о влиянии идеологии на экономическую политику (см. об этом: [Полтерович, 2017]). Компромиссный взгляд на проблему связи влияния идеологии на экономическую теорию предложил еще Й. Шумпетер в своей работе «Наука и идеология»: «идеологии не являются просто ложью, – это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит» [Шумпетер, 2012. С. 252]. Согласно Шумпетеру идеология – это та система ценностей и ориентиров, исходя из которых ученым формируется исследовательская задача. В этом смысле панинституционализм для многих исследователей выступает в роли той самой идеологии. Результаты исследований в русле вопроса «какие институты способствуют экономическому развитию» далее переносятся на работы по институциональной теории реформ, а они уже служат научным обоснованием политических программ. Таким образом, панинституциональная концепция, предложив универсальную схему институционально-экономического описания реальности, начинает саму эту реальность формировать. Рискнем предположить, что панинституционализм, вырвавшись за пределы строго научного дискурса, может становиться своего рода самосбывающимся пророчеством (о связи между «теоремой Томаса» и развитием институтов см.: [Merton, 1995; Taylor, 1989. P. 147]: доказанность благотворного влияния инклюзивных институтов на экономический рост в любом случае способствует росту доверия к такого типа институтам, что само по себе уже может оказать позитивный эффект (как минимум инклюзивные институты по понятным причинам вызывают большее доверие в среде инвесторов).

В первой части работы мы рассмотрим основу критики панинституционализма, во второй обратимся к связи панинституционализма и институциональной теории реформ.

«Критика панинституционализма»: частное против общего

«Критика панинституционализма» Р.И. Капелюшниковым – не единственное исследование, критически оценивающее теорию о связи между институтами и экономическим развитием. Так, блестящий разбор основных уязвимых позиций работы «Почему одни страны богатые, а другие бедные...» был представлен в работе В.В. Арсланова [Арсланов, 2016], автор которой указал на пренебрежение фактами или их вольную трактовку Д. Аджемоглу и Д. Робинсоном, а так же на невнимание к другим факторам роста. Как мы полагаем, примеры критики панинституционализма следует рассматривать в более широком контексте: в центре критики в данном случае оказывается не просто определенный, распространяющийся на все институты «пан-...», но и, косвенно, сам институционализм и широкий спектр исследований экономической истории, проводимых в русле институционализма (имя Дугласа Норта можно назвать в ряду довольно узкого списка фамилий отцов-основателей неинституциональной теории). Институционализм в прочтении Норта – концепция прежде всего междисциплинарная, заявленный масштаб которой – выработка универсальной объяснительной конструкции для всемирной истории на всем известном периоде. Именно как глобальная объяснительная конструкция она и оказывается оспариваемой как экономистами, так и историками. Стабильное неприятие панинституционализма как подтверждает известный тезис о смерти «больших теорий» общественного развития¹, так и обнаруживает слабые места междисциплинарного подхода в том смысле, в каком их видят представители отдельных дисциплин, в нашем случае – экономисты.

Теоретическая конструкция трудов Д. Норта и Д. Аджемоглу интуитивно понятна, но вписать ее в логику современных экономических исследований достаточно тяжело, несмотря на формально широкое признание экономистами мейнстрима основных положений неинституциональной теории. Неинституционализм может предложить общую картину мира, как минимум общие концептуальные рамки для его осмысления, однако проблема в том, что для современного экономического дискурса просто признание права на существование такой теории – вопрос крайне болезненный. Позволим себе процитировать другое исследование Р.И. Капелюшникова: «Похоже, “типичный” современный экономист живет в мире расколотой, “балканизированной” реальности, где каждый фрагмент существует по большей части отдельно от других» [Капелюшников, 2018. С.15]. Контекст приведенной цитаты заключался в указании на проблему современного, как это именует Р.И. Капелюшников, «эконометриковерия» – мы можем обнаружить набор основанных на анализе данных исследований, в которых доказываются противоположные по своей сути утверждения, при этом противоположность выводов относительно экономической теории не смущает исследователей. В рамках достигнутого консенсуса примат оставлен за эконометрическими исследованиями, а не теоретическими конструктами. Вероятно, это черта не последнего времени, а свойство экономической науки как таковой. В своем исследовании «Риторика экономической науки» Д. Макклоски пишет: «В рамках одной теории не может быть отражена вся экономика <...> Работа экономиста может сравниваться с работой медиевиста, который по некоторым остаткам реконструирует фрагменты целого, переводя с одного языка на другой. При этом границы правильности интерпретаций постоянно оспариваются и переопределяются» [Макклоски, 2015. С. XXI]. По мере накопления больших массивов данных в области экономической истории, задача описания и объяснения целого бесконечно усложняется. Слабые места нортского неинституционализма обнаруживаются именно через рассмотрение фраг-

¹ Ради справедливости отметим, что хоронить «большие теории» готовы далеко не все, так в работе «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» мы обнаруживаем обратную позицию [Нуреев, Латов, 2016].

ментов. Однако же и критика Д. Норта не менее противоречива, чем и сам Д. Норт. Так, Р.И. Капелюшников, ссылаясь на Дж. Мокира [Мокир, 2009], оспаривает постулируемую панинституционализмом значимость патентного права для Британской промышленной революции [Капелюшников, 2019а. С. 77]. Однако в своем более раннем исследовании «Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс» Дж. Мокир, отвечая на важный для китайской истории вопрос о неспособности Китая сохранить свое техническое превосходство над странами Запада в период позднего средневековья и Нового времени, прямо указывает на то, что в императорском Китае поддержка инноваций была напрямую связана с бюрократическим аппаратом, что в итоге поставило технологии в печальную зависимость от государственной политики, тогда как в плавильном котле государств Западной Европы существовал рынок инноваций [Мокир, 2014. С. 367], функционирование которого без прав собственности трудно себе представить. Этим примером мы хотим подчеркнуть, что панинституционализм ставит перед общественными науками вопрос, ответа на который на сегодняшний день не может быть найдено. И в этом смысле панинституционализм – это больше интеллектуальный вызов, чем собственно теория с готовыми ответами.

«Панинституционализм» как манифест

Почему, несмотря на, казалось бы, неоднократно продемонстрированную фактологическую зыбкость «панинституционализма» (если допустить, что правы именно оппоненты Д. Норта), и, быть может, определенное его несоответствие духу времени, когда большие теории не в моде, он продолжает привлекать внимание и вызывать споры, иными словами, что делает панинституционализм горячо актуальной темой? Шутка ли, но труд Д. Аджемоглу и Д. Робинсона – редкий случай, когда монография авторства авторитетных академических ученых издается в России в формате бестселлера, где автором предисловия к русскоязычному изданию становится А.Б. Чубайс, а критика панинституционализма – фактически не новых публикаций – производит ощутимый эффект в научной среде.

Как мы полагаем, сила панинституциональной теории заключена не только в ее научно-объяснительном, но, шире, мировоззренческом потенциале. Панинституционализм интуитивно понятен не только ученым, но и обществу, и политикам, а предлагаемые им выводы можно рассматривать в политическом ключе. И если специалистам из научной среды по большей части очевидно, что постановка вопроса в духе, «если мы знаем, какие институты эффективны, а какие нет, то почему нельзя выписать рецепт странам с неэффективными институтами», может привести к ошибкам в государственном регулировании и тяжелым последствиям для экономики [Вольчик, 2012], то политики и чиновники как на международном, так и на национальном уровнях зачастую будут склонны ограничить себя поиском тех самых рецептов по внедрению идеальных, хороших институтов. Панинституционализм в том виде, в котором его зафиксировал Р.И. Капелюшников, – это научное высказывание, но особой политической силы. В каком-то смысле панинституционализм – это манифест, призывающий к институциональным реформам. На этом этапе важно подчеркнуть, что прочтение работ Д. Норта и соавторов и Д. Аджемоглу и Д. Робинсона на исторической родине и в современной постсоветской России – это два противоположных опыта восприятия одной теории. В своей работе «Как Китай стал капиталистическим» Р. Коуз подчеркивает одну важную вещь: институты – это не только и не всегда спонтанно возникший или сознательно сконструированный инструмент упрощения социальных взаимодействий и снижения трансакционных издержек, институт – это еще и «символ нашей идентичности, показывающий окружающим, кто мы и каковы наши ценности» [Коуз, Ван, 2013. С. 127]. И если для англоязычных читателей

«панинституционализм» подтверждает исключительность стран Запада и обосновывает идею экспорта условно западных, либеральных институтов в незападные страны (а исторически это связано с включением развивающихся стран в глобальные производственно-сбытовые цепочки)², то в глазах российских читателей нарратив «панинституционализма» получает совершенно иной смысл.

Анализ работ российских авторов в области институциональной теории реформ [Волынский, 2018] показал, что в фокусе внимания российских исследователей оказывается выявление особенности реализации стратегий реформ: описание ошибок в реализации реформ, возникающих вследствие этих ошибок институциональных дефектов (например, «институциональных ловушек») и моделирование правильных стратегий реализации реформ. Каждый из указанных аспектов был подробно рассмотрен в работах В.М. Полтеровича (см., например: [Полтерович, 2007]), а его концепции «институциональных ловушек» и «промежуточных институтов» можно считать устойчивыми теоретическими рамками, определяющими тональность многих российских исследований. Последняя из концепций – промежуточных институтов – прямо вытекает из описаний ошибок в реформаторских стратегиях и необходимости их избежать. Согласно В.М. Полтеровичу промежуточные институты – это долгосрочная стратегия, суть которой «в создании желательного института путем построения цепочки сменяющих друг друга институтов, т. е. путем построения институциональной траектории, которая соединяет исходный институт с желаемым» [Полтерович, 2007. С. 11]. Достоинство градуалистского подхода промежуточных институтов раскрывается им в сравнении с шоковой терапией: если последняя предполагает имплементацию желаемого хорошего института в институциональную среду, не готовую к его принятию, шоковым методом, что приводит к искажению хорошего института и формированию институциональных ловушек, то при градуалистском подходе среда и действующие в ней агенты будут подготовлены к принятию хорошего института. Посредством промежуточных институтов в микроагентной среде будут сформированы соответствующие институтам поведенческие привычки и необходимое осознание стимулов и ограничений.

Шоковую терапию (а для российского обывателя это словосочетание обладает множественными неоднозначными коннотациями) и промежуточные институты объединяет заявленная интенция на построение желательного института посредством приведения институциональной среды в соответствие с институтом. Стратегически речь ведется об одном и том же, разница лишь в тактике. Свое характерное развитие концепция получила в докладе Центра стратегических разработок от 2017 г., где промежуточным институтам была определена роль «ослабления социокультурных ограничений, препятствующих внедрению целевых (стандартных) институтов» при условии, что под целевыми институтами понимаются институты открытого доступа [Центр..., 2017. С. 101]. Вышедший в преддверии президентских выборов доклад был воспринят многими как некое подобие политического манифеста, чему поспособствовал выход в поддержку доклада статьи «Точные приоритеты и неидеальные институты: как можно реформировать Россию», соавтором которой выступил А.Л. Кудрин [Кудрин, Шклярчук, Комин, 2017], и в которой тезисы панинституционализма были применены к России и задачам ее реформирования.

Мы ни в коем случае не намерены оспаривать тезисы о большей эффективности институтов открытого доступа в терминологии Д. Норта и инклюзивных в терминологии

² Так, долгое время, общим для американских аналитиков было предположение о возможной институциональной конвергенции будущего капиталистического Китая со странами Запада и о неизбежности демократизации Китая. Такая позиция в известной степени оправдывала наращивание прямых инвестиций в страну коммунистической диктатуры (о вере в конвергенцию см., например: [Spence, 2019; Yuen, 2018]).

Д. Аджемоглу, тем более, что это не входит в задачи нашего исследования³. Главное, на что мы хотим обратить внимание читателей, это то, что в российском прочтении панинституционализм воспринимается как призыв проведению реформ по заданной траектории, что глубоко политизирует дискуссии вокруг работ Д. Норта и Д. Аджемоглу, в которых, строго говоря, содержатся прямые к тому предпосылки. Вновь цитируя Р. Коуза, институты – это не только социальные структуры, но и способ самоидентификации. «Панинституционализм» и его положения в России разделяемы многими исследователями, в особенности теми, кого принято ассоциировать с условными либералами, с положениями же «панинституционализма» неразрывно оказывается связана в России институциональная теория реформ. И не последнюю роль играет вопрос самоотождествления реформаторов с определенным набором ценностных установок.

Тут мы подходим к вопросу о механизмах реализации стратегий институциональных реформ в современных российских политических реалиях. Как показало исследование [Волинский, Круглова, Рожков, Рубинштейн, 2018], через российский парламент законы, инициированные Президентом и правительством, в среднем проходят быстрее, чем законы, инициированные самими парламентариями, исходя из чего можно сделать вывод, что российская система принятия законодательных решений – удобный инструмент в руках исполнительной власти, а, значит, и удобный инструмент для проведения институциональных реформ (в данном случае мы предлагаем исходить из того, что институциональные реформы не осуществимы без изменений в законодательной сфере). Это делает однозначно решаемым вопрос о том, что источником преобразований, в том числе и либеральных, если мы говорим о мирном случае реформ, в российской политической конструкции могут быть только политические элиты. Таким образом, «панинституционализм» ложится на благодарную почву восприятия российских элит как прозападной силы в обществе. Знаменитая цитата из А.С. Пушкина: «правительство все еще единственный европеец в России» [Пушкин, 1962. С. 362] как нельзя более точно раскрывает образ государственных реформаторов, вдохновляемых идеями панинституционализма. Панинституционализм, слившийся с институциональной теорией реформ в российском дискурсе, вписывается и в предложенные А.А. Ахиезером описательные рамки российской истории «активного противостояния массового догосударственного сознания (в основном крестьянского) и той формы сознания, которая культивировалась непосредственно в системе государства, в правящем слое» [Ахиезер, 1991]. Популярный в России, несмотря на критику, панинституционализм таким образом может рассматриваться не только как одна из экономических теорий, но и как некая политическая идеология, тот самый способ самоидентификации российских элит посредством их манифестации приверженности хорошим институтам.

Заключение

Наша точка зрения заключается в том, что панинституционализм в реалиях российского научно-общественного дискурса – явление, вероятно, гораздо более значимое, чем на своей исторической родине – в англосаксонском мире. Если там панинституциональная теория может рассматриваться в лучшем случае как фундаментальная объяснительная конструкция в рамках экономической истории, а в худшем – как часть критикуемого Э. Саидом ориентализма – описательной модели Востока (Orient), последовательно доказы-

³ Не говоря уже о том, что обнаружить исследования, демонстрирующие эффективность инклюзивных институтов в сравнении с экстрактивными несравнимо легче. Не будем далеко ходить за примерами: так, исследование МВФ показало, что государственные органы с минимальным уровнем коррупции и достигшие инклюзивности собирают на 4% ВВП больше налоговых поступлений, чем государства, не добившиеся успехов в деле борьбы с коррупцией [МВФ, 2019. С. 18].

вающей историческое превосходство Запада над Востоком и воспринимаемой противниками ориентализма как моральное оправдание колониальной власти Запада над Востоком [Саид, 2006], то в российском дискурсе она обретает более политизированный смысл⁴. Паинституционализм в России – это не просто модель объяснения экономической истории человечества, но и основа для политических манифестов, ровно как и для составления программ реформ. Целью представленного текста ни в коей мере не являлось участие в споре относительно правильности тезисов панинституционализма. Однако мы утверждаем, что именно в российских реалиях панинституционализм превращается из научной в прото-идеологическую конструкцию. Этим объясняется столь пристальное внимание к рассматриваемым теориям со стороны российских авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2012). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016). «Инклюзивные институты» – основной фактор экономического роста // *Общественные науки и современность*. №5. С. 49–62.
- Ахизер А.С. (1991). Россия как большое общество // *Вопросы философии*. vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55 (дата обращения: 20.01.2020).
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // *Вопросы экономики*. №10. С. 99–114.
- Вольчик В.В. (2012). Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // *Terra economicus*. Т. 10. №4. С. 62–69.
- Волынский А.И. (2018). Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // *Terra economicus*. Т. 16. №4. С. 29–40.
- Волынский А.И., Круглова М.С., Рожков П.В., Рубинштейн А.А. (2018). Законодательные механизмы в РФ как инструмент институционального дизайна: на материалах анализа количественных данных базы LAWSTREAM.RU // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 91–100.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // *Куда движется современная экономическая наука?: Научные доклады*. М.: Институт экономики РАН, 2018.
- Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм: препринт WP3/2019/03 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Серия WP3 «Проблемы рынка труда».
- Капелюшников Р.И. (2019б). Contra панинституционализм. Часть I // *Вопросы экономики*. №7. С. 119–146.
- Капелюшников Р.И. (2019в). Contra панинституционализм. Часть II // *Вопросы экономики*. №8 С. 98–126.
- Коуз Р., Нин Ван (2013). Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство.
- Кудрин А., Шклярук М., Комин М. (2017). Точные приоритеты и неидеальные институты: как можно реформировать Россию. Онлайн-портал РБК. www.rbc.ru/opinions/politics/14/09/2017/59b93e819a794742c91d5a52 (дата обращения: 20.01.2020).
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Международный валютный фонд. (2019). Годовой отчет МВФ 2019 // *Наш взаимосвязанный мир*. www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2019/eng/index.htm (дата обращения: 20.01.20).
- Мокир Дж. (2014). Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа): Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС.
- Олейник А.Н., Кирдина С.Г., Попова И.П., Шталова Т.Ю. (2013). Как учёные читают друг друга: основы теории академического чтения и ее эмпирическая проверка // *Социологические исследования*. № 8. С. 30–41.
- Полтерович, В.М. (2007). Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ: Препринт WP10/2007/08. М.: ГУ-ВШЭ.

⁴ О разнице в интерпретациях научных текстов см.: [Олейник и др., 2013].

- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 55–65.
- Пушкин А.С. (1962). Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма, 1831–1837 гг. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Саид Э. (2006). Ориентализм. М.: Русский Миръ.
- Центр стратегических разработок (2017). Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (дата обращения: 20.01.20).
- Шаститко А.Е. (2019). «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. №12. С. 90–110.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология. //Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Austin J. L. (1955). How to Do Things with Words. 2d ed. J.O. Urmson and M. Sbisà, eds. Cambridge: Harvard University Press.
- Merton R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*. 74 (2). Pp. 379–422.
- Mokyr J. (2009) Intellectual Property Rights, the Industrial Revolution, and the Beginnings of Modern Economic Growth // *American Economic Review*. Vol. 99. No. 2. Pp. 349–355.
- Re-imagining Economic Sociology, (2015). Edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Oxford, Oxford University Press.
- Spence M. (2019). What Next for China's Development Model? Project Syndicate. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (дата обращения: 20.01.2020).
- Stanley T. (1989). *Conceptions of Institutions and the Theory of Knowledge*: 2nd Ed. Transaction Publishers.
- Vollmer H.. (2016) Re-imagining Economic (2016). *Re-imagining Economic Sociology*, edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd // *Journal of Cultural Economy*. No. 9. Pp. 636–639.
- Yuen Yuen Ang (2018). *Autocracy With Chinese Characteristics*. Foreign Affairs. Published: May/June. www.foreignaffairs.com/articles/asia/2018-04-16/autocracy-chinese-characteristics (дата обращения: 20.01.2020).

Волынский Андрей Игоревич

ava3003@gmail.com

Andrei Volynskii

junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ava3003@gmail.com

PAN-INSTITUTIONALISM AND ECONOMIC REFORMS

Abstract. In 2019 R.I. Kapelyushnikov in his publications criticized the approach in economic theory, which he called “paninstitutionalism”: the direction according to which the dynamics of economic growth is directly determined by the set of existing formal institutions, both political and economic. He selected the works “Violence and Social Order” by D. North, J. Wallis and B. Weingast, as well as “Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty” by D. Acemoglu and J. Robinson as exemplary instances of a “pan-institutional” approach. Consistently analyzing both monographs, R.I. Kapelyushnikov led readers to the idea of the actual inconsistency of the presented models for explaining the economic history of mankind. This is not the first case of criticism of these studies, in which the theories of D. North and co-authors, as well as D. Axemoglu and J. Robinson do not appear to be constructions based on historical inaccuracies and significant assumptions. At the same time, given the precariousness of the “pan-institutional” concepts, the institutionalism seems to be a theory whose strength lies not in its explanatory potential. On the contrary, institutionalism in the books “Violence and Social Order” and “Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty” can be taken as a conceptual statement of a performative nature. The idea of the relationship between institutions and economic growth is supported by many studies and is easily perceived from the standpoint of everyday common sense. The main thing is that this idea leads to the idea that, if we know which institutions are “good” and which are “not,” we can raise the establishment of “good” institutions to the banner of the political reform program at least and political struggle at most. In theoretical terms, such a “political” development of “pan-institutionalism” is received in many studies, which we combine with the concept of “institutional theory of reforms”.

Keywords: *institutional design, meso-level, meso-economics, institutionalism, economic reforms.*

JEL Classification: B15, B25, P16, P51.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.* (2012). *Pochemu odni strani bogatie, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti procvetaniya i nischeti* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. M.: AST. (In Russ.)
- Akhiezer A.S.* (1991). *Rossiya kak bol'shoe obshchestvo*. [Russia as a big society] // Journal of Philosophy Issues website. vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=55 (Access date: 20.01.20) (In Russ.)
- Arslanov V.V.* (2016). «Inklyuzivnye instituty» – osnovnoj faktor ehkonomicheskogo rosta [“Inclusive institutions” – the Key Factor of Sustainable Growth] // *Social sciences and modernity*. No. 5. Pp. 49–62.
- Austin, J. L.* (1955). *How to Do Things with Words*. 2d ed. J.O. Urmson and M. Sbisà, eds. Cambridge: Harvard University Press.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* (2019). *Ekonomicheskoe razvitie kak smena kachestvenno raznyh sistem social'no-ekonomicheskikh otnoshenij: k kritike «paninstitucionalizma» i «ideacionnogo» podhoda*. [Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. Pp. 99–114. (In Russ.)
- Center for Strategic Research (2017). *Sociokul'turnye faktory innovacionnogo razvitiya i uspeshnoj implementacii reform*. [Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms]. csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf (Access date: 20.01.20). (In Russ.)
- Coase R., Ning Wang* (2013). *Kak Kitaj stal kapitalisticheskim*. [How China became capitalist] – «Novoe izdatel'stvo». (In Russ.)
- International Monetary Fund (2019). *IMF Annual Report 2019. Our Connected World*. www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2019/eng/index.htm (Access date: 20.01.20).
- Kapeliushnikov R.I.* (2018). *O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoy nauki: polusociologicheskie nablyudeniya* [On current state of economics: subjective semi-sociological observations]. In: *Where is current economics moving?: Working papers*. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. (In Russ.)
- Kapeliushnikov, R.I.* (2019a). *Contra paninstitucionalizm: preprint* [Contra Pan-institutionalism [Text]: Working paper] WP3/2019/03 / R. Kapeliushnikov; National Research University Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I.* (2019b). *Contra paninstitucionalizm. CHast' I*. [Contra pan-institutionalism. Part I] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 119–146. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I.* (2019v). *Contra paninstitucionalizm. CHast' I*. [Contra pan-institutionalism. Part II] // *Voprosy Ekonomiki*. 2019. No. 8. Pp. 98–126. (In Russ.)
- Kudrin A., Shklyaruk M., Komin M.* (2017). *Tochnye priority i neideal'nye instituty: kak mozjno reformirovat' Rossiyu*. [Exact priorities and imperfect institutions: how can Russia be reformed]. Online portal RBC. Date of publication: 09/14/2017. www.rbc.ru/opinions/politics/14/09/2017/59b93e819a794742c91d5a52 (Access date: 20.01.2020) (In Russ.)
- McCloskey D.* (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki. Vtoroe izdanie* [The Rhetoric of Economics Second Edition] / translation. from English O. Yakimenko; scientific ed. translation D. Raskov. M.; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; International Relations Publishing House, Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Mokyr J.* (2009). *Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskij progress*. [The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress]. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2014. (In Russ.)
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva*. [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. M.: Institut Gaydara. (In Russ.)
- Nureev R.M., Latov Yu. V.* (2016). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institucional'nogo analiza): uchebnoe posobie* [The economic history of Russia (the experience of institutional analysis): textbook]. 2nd ed., Rev. M.: KNORUS. (Bachelor and Master). (In Russ.)
- Merton, R.* (1995). *The Thomas Theorem and the Matthew Effect*. *Social Forces*. Vol.74 (2). Pp. 379–422.
- Mokyr J.* (2009) *Intellectual Property Rights, the Industrial Revolution, and the Beginnings of Modern Economic Growth* // *American Economic Review*. Vol. 99. No. 2. Pp. 349–355.
- Oleynik A.N., Kirdina S.G., Popova I.P., Shatalova T.Yu.* (2013). “How Scholars Read Each Other: Foundations of the Academic Reading Theory and Its Empirical Verification” // *Sociological Researches*. № 8. Pp. 30–41. (In Russ.)
- Polterovich, V. M.* (2007). *Strategii institucional'nyh reform, ili Iskusstvo reform: Preprint WP10/2007/08* [Institutional Reform Strategies or Art of Reforms: Working paper WP10/ 2007/08]. Moscow: State University – Higher School of Economics. (In Russ.)
- Polterovich, V. M.* (2007). *Razrabotka strategij social'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya* [Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *VTE*. №1. Pp. 55–65 (In Russ.)
- Pushkin A.S.* [1962]. *Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 10. Pis'ma, 1831–1837* [Collected works in 10 vol.. Vol. 10. Letters, 1831–1837. M.: State publishing house of fiction (In Russ.)
- Said E.* (2006). *Orientalizm*. [Orientalism] M.: «Rucckij Mir». (In Russ.)

- Schumpeter J.* (2012). Nauka i ideologiya [Science and Ideology]. In: *Filosofiya ehkonomiki. Antologiya* [The Philosophy of Economics. An Anthology]. Edited by Daniel M. Hausman. M.: Gaidar Institute. Pp. 247–264. (In Russ.)
- Shastitko A.E.* (2019). Instituty imeyut znachenie» vs. «tol'ko (formal'nye) instituty imeyut znachenie [«Institutions do matter» vs. “only (formal) institutions matter”] // *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. Pp. 90–110. (In Russ.)
- Spence M.* (2019). What Next for China's Development Model? Project Syndicate. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (Access date: 20.01.2020).
- Re-imagining Economic Sociology (2015). Edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd, Oxford, Oxford University Press.
- Taylor S.* (1989). *Conceptions of Institutions and the Theory of Knowledge*: 2nd Ed. Transaction Publishers.
- Volchik V.V.* (2012). Evolyucionnyj podhod k analizu institucional'nyh izmenenij [Evolutionary approach to the analysis of institutional changes] // *Terra economicus*. Vol. 10. No. 4. Pp. 62–69. (In Russ.)
- Vollmer H.* (2016) Re-imagining Economic Sociology, edited by Patrik Aspers and Nigel Dodd // *Journal of Cultural Economy*. No. 9. Pp. 636–639.
- Volynskii A.I.* (2018). Institucional'nyj dizajn i teoriya reform v rossijskom ekonomicheskom diskurse [Institutional design and theory of reforms in Russian economic discourse] // *Terra Economicus*. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 29–40. (In Russ.).
- Volynsky A.I., Kruglova M.S., Rubinstein A.A., Rozhkov P.V.* (2018). Zakonodatel'nye mekhanizmy v RF kak instrument institucional'nogo dizajna: na materialah analiza kolichestvennyh dannyh bazy LAWSTREAM.RU [Legislative mechanisms in the Russian Federation as a tool of institutional design: on the materials of analysis of quantitative data of LAWSTREAM.RU base] // *VTE*. No. 2 Pp. 91–100. (In Russ.)
- Yuen Yuen Ang* (2018). *Autocracy With Chinese Characteristics*. Foreign Affairs. Published: May/June 2018. www.foreignaffairs.com/articles/asia/2018-04-16/autocracy-chinese-characteristics (Access date: 20.01.2020).